
Камилла Нигматуллина

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЖУРНАЛИСТОВ В РОССИИ

Профессиональная
культура журналиста
как объект исследований
в России и за рубежом

Методы анализа и сравнения
журналистских культур
в России и за рубежом

Профессиональная
журналистская культура
в России: фрагментация
и путь к гармонизации

ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ШКОЛА ЖУРНАЛИСТИКИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Камилла Р. Нигматуллина
Профессиональная культура
журналистов в России
Серия «Петербургская
школа журналистики и МК»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64470117

*Профессиональная культура журналистов в России / К. Р.
Нигматуллина. – СПб.: Алетейя, 2021: Алетейя; Санкт-Петербург;
2021*

ISBN 978-5-00165-261-8

Аннотация

Монография рассказывает о вызовах, с которыми столкнулась журналистская культура в России в новом тысячелетии, и о том, как эти вызовы изменили представление самих журналистов о своей профессии. Опираясь на достижения зарубежных теоретиков, результаты международных полевых исследований и опросов, проводившихся в российских регионах, автор выстраивает новую картину профессиональной культуры российской журналистики, отличной как от западной демократической, так и от советской и постсоветской национальной модели. Неуловимый объект профессиональной

культуры в итоге складывается из реальных практик журналистов, погруженных в сложный национальный контекст и различные уровни дискурса о профессии.

Книга будет полезна как студентам профильных направлений, так и работникам медиаотрасли, преподавателям, ученым и всем, кто интересуется работой современных российских СМИ.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	30
§ 1. Профессия журналиста как объект исследования: определение границ	33
§ 1.1. Профессиональная культура журналиста в зарубежной теории	35
§ 1.2. Профессиональная культура журналиста в российских подходах	40
§ 2. Зарубежные кейс-исследования российской журналистской культуры	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Камилла Нигматуллина

Профессиональная культура журналистов в России

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор *А. С. Пую*
(Санкт-Петербургский государственный университет)

доктор политических наук, профессор *Г. С. Мельник*
(Санкт-Петербургский государственный университет)

© К. Р. Нигматуллина, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Предисловие

Начало XXI века ознаменовалось для журналистики сложными вызовами. Развитие цифровой среды, технологий производства и распространения контента, а также изменения в характере самой работы (переход от простого информирования аудитории к социально-политической навигации и формированию смыслов) привели к необходимости переосмыслить стандарты и ценности журналистской профессии в контексте технологических изменений и новых этических проблем в работе журналистов.

В России наиболее очевидным стало разделение журналистики на «производство контента» и «общественное служение», причем к 2020 году производство контента стало доминирующей парадигмой. Использование цифровых платформ для «выращивания» вовлеченных аудиторий и их продажа рекламодателям стало основным драйвером российской медиасистемы. Вместе с тем все чаще стали слышны голоса региональных журналистов, журналистов-расследователей, медиаэкспертов, которые озвучивали явные проблемы в профессии: отсутствие возможностей для полноценного мониторинга деятельности власти и бизнеса, зависимость дотационных СМИ от государственных бюджетов, технологический и материальный разрыв между редакциями, непонимание задач цифровой адаптации медиа в регионах, отрыв

от аудитории социальных медиа, и т. д. 2020 год, с одной стороны, оказался катастрофическим для медиабизнеса, а с другой – заставил искать ответы на вопросы еще интенсивнее.

Очевидно, пришло время описать, что именно менялось в профессии журналиста в России за последние двадцать лет с точки зрения понимания ее основ, с какими вызовами сражаются журналисты настоящего и куда устремлены взгляды журналистов будущего. Эта цель сподвигла автора монографии на исследование профессиональной культуры журналистов, которое продолжалось в течение пяти лет и вылилось в детальное исследование региональной журналистики России в цифровом пространстве.

За последние десять лет в отечественной науке не предпринимались попытки комплексного исследования журналистской культуры. При этом в стране продолжается значимая дискуссия по поводу доверия к СМИ и журналистам, престижности профессии в обществе и актуальности миссии классической журналистики в цифровом мире. Наблюдается рост выступлений самих журналистов в массовой прессе о задачах журналистики и противоречиях в профессиональных ценностях. Растет значимость медиакритики и публичного разбора профессиональных противоречий не только на традиционных площадках, но и в социальных сетях. Отдельным феноменом последних пяти лет стали каналы, посвященные медиа и журналистике, в мессенджере Telegram. Ча-

стью общественной дискуссии становились публичные конфликты редакций СМИ или журналистских коллективов с собственниками, поведение отдельных журналистов в профессиональных и бытовых ситуациях, задержания журналистов и выражения профессиональной солидарности в их отношении. Журналистская практика стала более прозрачной и открытой для общественного обсуждения, что породило запрос на понимание стандартов и принципов конкретных редакций при освещении тех или иных событий. Такой же актуальной стала повестка о конкуренции профессиональной журналистики с любительскими медиа, прежде всего в социальных сетях и мессенджерах.

Публичные дискуссии демонстрируют ключевые противоречия дискурса, отражающего состояние современной журналистской культуры в России, которые и стали предметом авторского анализа:

- сосуществование двух парадигм – общественного служения и коммерческих интересов медиа;
- отношение к необходимости господдержки медиа, в частности региональной печатной прессы;
- этический релятивизм (ситуативное принятие решений, основанное на личных убеждениях в правильности и неправильности) или следование редакционной догме, включая активность в социальных сетях;
- признание необходимости естественных профессиональных ограничений и практики самоцензуры, связанные с

внешним давлением на журналиста;

– двойственное понимание объективизма как «отсутствия субъективизма» и как «наличия единой картины реальности», связывание объективности с либеральной позицией СМИ и западными стандартами журналистики;

– неоднозначное отношение к понятию автономности в силу исторически сложившейся системы медиа, исключаящей форму общественных СМИ,

– противостояние идей зависимости от корпоративных интересов и независимости от идеологической позиции собственника;

– возрастающее количество специалистов с профильным образованием и низкий авторитет профильного образования на рынке, расхождение дискурса учебников с реальной практикой;

– поляризация в паре «правда» и «факт» в условиях усиливающегося недоверия к СМИ и сложности фильтрации недостоверных сообщений: журналист перестает быть «искателем правды» и становится «верификатором информации», что смещает фокус с общественного служения на ремесленную квалификацию;

– одновременная популярность и публичность профессии, неоднозначность ее ценности в понимании профессионального сообщества с нивелированием ее значимости в общественном дискурсе и шаблонностью во властном дискурсе.

Монография представляет собой результаты детального исследования национальной российской журналистской культуры в контексте ее фрагментированности. Это стало ответом на результаты кросскультурных исследований, которые описывали российскую журналистскую культуру как монолитную для всей медиасистемы. Понятие фрагментации журналистского сообщества и наличие противоречий в обсуждении журналистской профессии легли в основу авторского методологического подхода.

Изучение журналистской культуры как отдельное направление медиаисследований развивается уже около века и за это время преодолело несколько методологических поворотов. В ходе долгой истории эмпирические исследования в рамках социологии и психологии профессии в XXI веке трансформировались в кросскультурные сравнительные исследования, приоритет в которых отдан изучению профессиональных ролей журналистов по всему миру и пересмотру понятия журналистского профессионализма. Отечественные исследования последних двадцати лет также находятся в русле общемировых трендов и рассматривают журналистскую культуру как сложный объект, включающий в себя установки, ценности, принципы и повседневную профессиональную практику, которая отражает воспринимаемые установки и роли.

Перед тем как предложить авторский подход к исследованию журналистской культуры в рамках одной националь-

ной системы, был проведен детальный метаанализ эволюции методологии и эмпирических данных, касающихся российских журналистов, кросскультурных международных проектов. Также в российский оборот введены более пятидесяти иноязычных работ, ранее не использовавшихся в отечественных исследованиях журналистики. Таким образом, автору удалось получить наиболее полную картину имеющихся данных о российских журналистах, составленную из имеющихся результатов в России и мире.

Следует отметить, что важным поворотом зарубежных исследований последних пяти лет стало изучение разрыва между тем, какие ценности журналисты декларируют публично и приватно, и тем, насколько эти ценности воплощены в реальном продукте журналистского труда. Сегодня для изучения этого разрыва ученые все чаще используют качественные методы исследований, обращаясь к таким категориям, как дискурс и контекст. Важность контекстуального объяснения профессиональных практик постепенно входит и в российскую научную среду.

Еще один важный поворот для медиаисследований в целом заключается в девестернизации (отказе от идеи назначения журналистики исключительно в содействии демократии) и критическом анализе концепции медиасистем, которая также включает изучение журналистской культуры. Все больше внимания зарубежные ученые уделяют недемократическим странам, авторитарным и полуавторитарным ре-

жимам; при этом западные стандарты журналистики уже не определяются как нормативная отправная точка для таких исследований. Несмотря на важность этого направления, на наш взгляд, пока ученым не удалось в полной мере преодолеть ограничения западной парадигмы журналистики с ее ориентацией на миссию содействия демократическому развитию и служения обществу в государстве с демократическим политическим устройством. Подход, который предложен в данной монографии, позволяет сместить акцент с политического контекста формирования журналистской культуры на дискурсивный.

Современные исследователи журналистской культуры отрицают статичность профессиональных ценностей и говорят о динамичности, ситуативноеTM и контекстуальноеTM профессиональных идеологий и самой профессии. Журналистика находится в непрерывном становлении, в том числе институциональном, которое фиксируется через изменения норм и стандартов работы. Автор исследования обращает этот тезис в утверждение о том, что журналистская культура – это производное от публичного и непубличного дискурсов о профессии внутри журналистского сообщества, во власти и в обществе. Автор также утверждает, что журналистская культура формируется не только через осмысление предыдущего профессионального опыта, но и через дискурс о будущем профессии.

Главной целью исследования стало определение ключе-

вых характеристик профессиональной культуры журналистов в России в первые два десятилетия XXI века, описание доминирующих журналистских групп (кластеров) внутри профессионального сообщества и выявление границ профессионального дискурса о журналистике, который определяет профессиональные стандарты и ценности современной российской журналистики (2000–2020 годы). Выбор периода обусловлен, во-первых, политической трансформацией в стране, во-вторых, интенсивным цифровым развитием и, наконец, становлением медиасистемы, основанной на доминировании государственного капитала и капитала крупных частных корпораций в собственности на СМИ. Мы также опирались на мнение исследователей, например С. Пасти, которая полагает, что поколение российских журналистов, пришедших в профессию в этот период, является единой профессиональной подгруппой, которую можно сравнивать с предыдущими поколениями. Опросы и интервью проводились автором в 2016–2020 годы. За этот период произошли смена собственников ряда крупных национальных изданий, отток сотрудников и целых коллективов из традиционных СМИ и основание собственных стартапов, активный переход классических журналистов в социальные медиа, усиление регулирования интернета, задержания журналистов, которые приводили к акциям солидарности, глобальная дискуссия о фейках, недостоверной информации и использовании социальных сетей в политических технологиях.

Результаты и выводы основаны на данных, собранных автором и полученных из открытых источников.

1. Данные, собранные автором:

- 196 ответов на вопросы анкеты для журналистов регионов и столичных городов (2016–2017 годы);
- 95 ответов на вопросы анкеты, посвященной самоцензуре, для региональных журналистов;
- 6 глубинных интервью с редакторами и медиаменеджерами о журналистской культуре (2016 год);
- 7 интервью с редакторами СМИ о самоцензуре (2018 год);
- 24 глубинных интервью с региональными медиаэкспертами (2019–2020 годы, анонимно);
- 5 экспертных интервью с исследователями журналистской культуры (2017–2020 годы);

2. Данные, взятые из открытых источников:

- 30 интервью с медиаменеджерами в рамках проекта «Полевое исследование медиациха»;
- 36 интервью с журналистами, опубликованных в общественно-политических и профессиональных изданиях.

Для анализа текущего состояния профессии журналиста были рассмотрены работы, посвященные границам журналистики (С. Байсборд, М. Дёзе, М. Карлсон, С. Льюис¹) и

¹ Carlson M., Lewis S. Boundaries of Journalism. London: Routledge, 2015; Uys-Bord S. Reinventing professionalism. Journalism and News in Global Perspective. London: Polity Press, 2013; Carlson M. Metajournalistic Discourse and the Meanings of Journalism: Definitional Control, Boundary Work, and Legitimation //

цифровой трансформации журналистики в России (Е. Баранова, О. Сидорова, И. Карпенко²).

История изучения журналистской профессии в России представлена, прежде всего, работами Я. Засурского, С. Колесник, Л. Свитич и А. Ширяевой³. История изучения журналистской культуры в зарубежных странах рассмотрена через призму работ Б. Донсбаха и Т. Патерсона, Д. Уивера и Л. Уилната, а также Т. Ханицша и других европейских исследователей профессии журналиста⁴.

Представленное исследование журналистской культуры опирается главным образом на кросскультурные сравнительные проекты и их авторов – коллектив К. Мейадо, коллектив

Communication Theory. 2016. Vol. 26. P. 349–368; *Deuze M.* What is journalism? Professional identity and ideology of journalists reconsidered // *Journalist*. 2005. Vol. 6, Iss. 4. P. 442–464.

² *Баранова Е. А.* Трансформация института СМИ в условиях медиаконвергенции // *Коммуникология*. 2016. № 3. С. 188–203; *Сидорова О. С., Карпенко И. И.* Профессиональные компетенции современного интернет-журналиста // *Современный дискурс-анализ*. 2018. Вып. 3 (20). Т. 3. С. 12–21.

³ *Засурский Я. Н., Колесник С. Г., Свитич Л. Г., Ширяева А. А.* Журналист: российско-американские социологические исследования. М.: Эслан, 1998; *Колесник С. Г., Свитич Л. Г., Ширяева А. А.* Белый, протестант, бакалавр... Русский, женат, беспартийный (сравнительный социологический портрет российского и американского журналиста) // *Журналист*. 1994. № 10. С. 18–21.

⁴ *Hanitzsch T.* Deconstructing journalism culture: towards a universal theory // *Communication Theory*. 2007. Vol. 17, Iss. 4. P. 367–385; *Patterson T. E., Donsbach W.* News decisions: Journalists as partisan actors // *Political Communication*. 1996. Vol. 13, Iss. 4. P. 455–468; *Willnat L., Weaver D. H.* The American Journalist in the Digital Age: Key Findings. Bloomington: School of Journalism, 2014.

К. Норденстренга, коллектив Г. Нюгрена, С. Пасти, коллектив Т. Ханицша⁵, а также российских исследователей, которые были заняты в проектах как представители странового кейса, – это М. Аникина, Д. Гавра, С. Давыдов, О. Логунова, Д. Стровский⁶. Отечественные исследования профессии журналиста и его культуры, вне рамок сравнительных проектов, представлены работами Н. Авдониной, А. Бырковского и коллектива исследователей МГУ, И. Дзялошинского, Ю. Ершова, Б. Лозовского, Б. Олешко⁷.

⁵ *Hanitzsch T. et al. Mapping journalism cultures across nations // Journalism Studies. 2011. Vol. 12, Iss. 3. P. 273–293; Hanitzsch T., Hanusch F., Ramaprasad J., Beer A. S. de. Worlds of Journalism: Journalistic Cultures Around the Globe. New York: Columbia University Press, 2019; Mellado C., Hellmueller L., Donsbach W. Journalistic Role Performance: Concepts, Contexts, and Methods. New York: Routledge, 2017; Journalism in Russia, Poland and Sweden – Traditions, Cultures and Research / Ed. G. Nygren. Sodertorn: Sodertorns Hogskola, 2012; Journalism in Change. Journalistic culture in Poland, Russia and Sweden / Eds. G. Nygren, B. Dobek-Ostrowska. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2016; Pasti S., Ramaprasad J. Contemporary BRICS journalism: Non-Western media in transition. London, New York: Routledge, 2017; Pasti S. The Changing profession of a journalist in Russia. PhD thesis, University of Tampere, 2007.*

⁶ *Anikina M. Journalists in Russia // Journalism in Russia, Poland and Sweden – Traditions, Cultures and Research / Ed. G. Nygren. Sodertorn: Sodertorns Hogskola, 2012. P. 20–30; Gavra D., Strovsky D. Values of journalists in Russia: following historical evolution and modern empirical data // Brazilian Journalism Research. 2016. Vol. 12, Iss. 1. P. 118–139; Mellado C., Hellmueller L., Donsbach W. Journalistic Role Performance: Concepts, Contexts, and Methods. New York: Routledge, 2017.*

⁷ *Авдониная Н. С. Изучение образа профессии журналиста в восприятии студентов с целью корректировки образовательного процесса // Вестник Марийского государственного университета. 2018. № 1 (29). С. 9–18; Колесниченко А. В., Вырковский А. В., Галкина М. Ю., Образцова А. Ю., Вартанов С. А. Трансформа-*

Диссертационное исследование базируется на методологии коллектива Т. Ханицша в авторской модификации⁸. Также использованы работы зарубежных исследователей, которые изучают российский кейс автономно, – это Э. Ерзикова и А. Ключева, У. Лоури и С. Оутс, Ю. Пиетилайнен и Б. Струков, К. Цецура и И. Яблоков⁹. В работе также важ-

ция журналистской работы под влиянием новых технологий: поиск информации, жанры медиатекстов, редакционная культура // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2017. № 5. С. 51–71; *Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И.* Журналистское сообщество в оценках журналистов // Вестник Московского Университета. Сер. 10: Журналистика. 2005. N2 5. С. 78–94; Ершов Ю. М. Идеология общественного служения в журналистике // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2015. N2 6. С. 68–73; *Лозовский Б. Н.* Журналистика: от чего зависит доверие тем, кто ей служит // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. N2 3 (29). С. 174–183; *Олешко В. Ф., Олешко Е. В.* Особенности профессиональной культуры журналиста цифровой эпохи // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 2 (32). С. 134–141.

⁸ *Hanitzsch T., Hanusch F., Ramaprasad J., Beer A. S. de.* Worlds of Journalism: Journalistic Cultures Around the Globe. New York: Columbia University Press, 2019.

⁹ *Erzikova E., Lowrey W.* Russian Regional Media // Digital Journalism. 2017. Vol. 5, Iss. 7. P. 919–937; *Klyueva A., Tsetsura K.* News from the Urals with love and payment: The first look at nontransparent media practices in the Urals Federal District of Russia // Russian Journal of Communication. 2011. Vol. 4, Iss. 1/2. P. 72–93; *Lowrey W., Erzikova E.* One Profession, Multiple Identities: Russian Regional Reporters' Perceptions of the Professional Community // Mass Communication and Society. 2013. Vol. 16, Iss. 5. P. 639–660; *Oates S.* Russian Media in the Digital Age: Propaganda Rewired // Russian Politics. 2016. Vol. 1, Iss. 4. P. 398–417; *Pasti S., Pietilainen J.* Journalists in the Russian regions: How different generations view their professional roles // Media, culture and society in Putin's Russia. London: Palgrave Macmillan, 2008. P. 109–132; *Strukov V.* Russian 2011–2012: Elections and Digital Media // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2012. Vol. 12. P. 111–123; *Schimpfoss E., Yablokov I.* Post-socialist self-censorship:

ное место занимает концепция «четырёх России» Н. Зубаревич как основание для поиска региональных противоречий в журналистской культуре¹⁰.

Важным корпусом теоретических работ стали исследования профессиональных ролей журналиста. Ключевые авторы этого направления – Б. Донсбах, К. Мейадо, Ф. Хануш, Л. Хельмюллер¹¹.

Отдельные методики исследования журналистской культуры и теоретические наработки в области фрагментации и гибридизации журналистской культуры были рассмотрены через призму кейсовых исследований в зарубежных странах (Д. Бек, М. Мейен, Х. Халлики, Х. Харро-Лойт и другие¹²).

Russia, Hungary and Latvia // *European Journal of Communication*. 2020. Vol. 35, Iss. 1. P. 29–45.

¹⁰ *Зубаревич Н.* Четыре России // *Ведомости*. 2011. 30 декабря. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii (дата обращения: 28.08.2020); *Зубаревич Н.* Четыре России отменяются // *Новая газета*. 2014. 22 декабря. № 144. URL: www.novayagazeta.ru/articles/2014/12/20/62443-natalya-zubarevich-chetyre-rossii-otmenyayutsya (дата обращения: 28.08.2020).

¹¹ Vol. 79, Iss. 1. P. 3–25; *Beyond Journalistic Norms. Role Performance and News in Comparative Perspective* / Ed. C. Mellado. London; New York: Routledge, 2020; *Hanusch F., Hanitzsch T.* Introduction: Comparing Journalistic Cultures Across Nations // *Journalism Studies*. 2017. Vol. 18, Iss. 5. P. 525–535.

¹² *Halliki H.* Revisiting National Journalism Cultures in Post-Communist Countries: The Influence of Academic Scholarship // *Media and Communication*. 2015. Vol. 3, Iss. 4. P. 5–14; *Harro-Loit H.* Revisiting National Journalism Cultures in Post-Communist Countries: The Influence of Academic Scholarship // *Media and Communication*. 2015. Vol. 3, Iss. 4. P. 5–14; *Raemy P., Beck D., Hellmueller L.* Swiss Journalists' Role Performance // *Journalism Studies*. 2018. Vol. 20, Iss. 6. P. 765–782.

Изучение медиасистем в целом основано на работах С. Бодруновой, Е. Вартановой, Э. Лаук, П. Манчини, К. Спаркса, Д. Халлина¹³. Особенности российской медиасистемы рассматривались отечественными авторами С. Бодруновой, Е. Вартановой, А. Качкаевой, И. Кирией, А. Литвиненко и А. Пую¹⁴.

При разработке методологии исследования были рассмотрены труды, посвященные неоинституциональному подходу и дискурсивному институционализму Т. Боса и Р. Томаса, И. Шмерлиной, Б. Шмидт¹⁵. Методика дискурс-анализа бы-

¹³ *Bodrunova S. S.* Fragmentation and Polarization of the Public Sphere in the 2000s: Evidence from Italy and Russia // *Global Media Journal – German Edition*. 2013. Vol. 3, Iss. 1. P. 1–35; *Hallin D., Mancini P.* Comparing media systems. Three models of media and politics. New York: Cambridge University Press, 2004; *Lauk E.* How will it all unfold? Media systems and journalism cultures in post-communist countries // *Finding the Right Place on the Map Central and Eastern European Media Change in a Global Perspective* / Eds. K. Jakubowicz, M. Sukosd. Chicago: Intellect, 2008. P. 193–212; *Sparks C.* Media systems in transition: Poland, Russia, China // *Chinese Journal of Communication*. 2008. Vol. 1, N 1. P. 7–24.

¹⁴ *Bodrunova S., Litvinenko A.* Four Russias in communication: fragmentation of the Russian public sphere in the 2010s // *Democracy and Media in Central and Eastern Europe 25 Years On*. Bern: Peter Lang, 2020. P. 63–79; *Kachkayeva A., Kiriya I.* Long-term trends in the development of the mass communication sector // *Foresight*. 2012. Vol. 6, Iss. 4. P. 6–18; *Litvinenko A., Smoliarova A., Bekurov R., Puiy A., Glinternik E.* Mapping international journalism in postSoviet Russia: Global trends versus national context // *International Review of Management and Marketing*. 2015. Vol. 5. P. 49–54; *Vartanova E.* The Russian media model in the context of post-Soviet dynamics // Eds. D. C. Hallin, P. Mancini // *Comparing media systems beyond the Western world*. New York: Cambridge University Press, 2012. P. 119–142.

¹⁵ *Vos T. P., Thomas R. J.* The Discursive (Re)construction of Journalism's

ла выработана на основе работ Т. ван Дейка, П. Серио, И. Шмерлиной¹⁶.

Среди относительно недавних диссертаций по теме следует отметить кандидатскую работу М. Симкачевой, посвященную понятию профессионализма, основанную на анкетировании журналистов и экспертном интервьюировании¹⁷. За последние двадцать лет отдельным аспектам функционирования профессиональной группы журналистов были посвящены кандидатские диссертации Б. Абилькеновой, А. Мезенцевой, докторские диссертации И. Блохина, Б. Олешко, С. Распоповой¹⁸.

Gatekeeping Role // Journalism Practice. 2018. Vol. 13, Iss. 4. P. 396–412; *Schmidt V. A.* Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and // Discourse Annual Review of Political Science. 2008. Vol. 11. P. 303–326; *Schmidt V. A.* Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and // Discourse Annual Review of Political Science. 2008. Vol. 11. P. 303–326; *Шмерлина И. А.* «Институциональная логика»: критический анализ направления // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 4. С. 110–138.

¹⁶ *Ван Дейк Т.* Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «АИБРОКОМ», 2013; *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса* / Под ред. П. Серио. М.: Прогресс, 1999; *Шмерлина И. А.* «Институциональная логика»: критический анализ направления // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 4. С. 110–138.

¹⁷ *Симкачева М. В.* Профессионализм журналиста: трансформация понятия, модели практического воплощения: Дисс... канд. филол. наук: 10.01.10. Казань, 2006.

¹⁸ *Абилькенова В. А.* Профессионально-нравственное самоопределение журналистской корпорации в ситуации становления гражданского общества. Дисс... канд. соц. наук: 22.00.06. Тюмень, 2006; *Мезенцева А. В.* Ценностные основания социальной позиции современного российского журналиста. Дисс... канд. фи-

Методология исследования основана на концепции дискурсивного институционализма, который интерпретируется в контексте актор-сетевой теории в трактовке Т. Боса и Т. Ханицша, критического дискурс-анализа в трактовке Т. ван Дейка и Н. Фэрклоу, сравнительного анализа медиасистем П. Манчини и Д. Халлина и сравнительного анализа журналистских культур в трактовке К. Мейадо, Т. Ханицша и их соавторов.

Представленная в монографии *авторская методология* предлагает четыре уровня дискурса, которые отражают и концептуальный, и перформативный аспекты журналистской культуры. В целом методика представляет собой изучение бесед, опросов, интервью, документов и текстов в широком контексте, ограниченном только языковыми рамками. В остальном мы сохранили традиционные подходы к изучению трех уровней культуры (индивидуальный, организационный и социетальный), трех уровней функционирования профессиональной идеологии (концептуальный, артикулируемый и перформативный) и четырех составляющих журналистской культуры: понимание профессионализма, пони-

дол. наук: 10.01.10. Екатеринбург, 2017; *Блохин И. Н.* Этножурналистика в политических процессах: ролевой анализ. Дисс... д. полит. наук: 10.01.10. Санкт-Петербург, 2009; *Олешко В. Ф.* Конвергентная журналистика: профессиональная культура как фактор оптимизации информационно-коммуникативных процессов. Дисс... д. филол. наук: 10.01.10. Екатеринбург, 2018; *Распопова С. С.* Журналистское творчество: теория и практика освоения. Дисс... д. филол. наук: 10.01.10. Москва, 2007.

мание профессиональных ролей, понимание ценностей (эпистемология, этика), понимание автономности (внутренние и внешние ограничения).

Четырехуровневый анализ включил в себя следующие области дискурса:

- профессиональный дискурс журналистов о себе в виде самообследования и самоотчетов в полупубличном дискурсе (беседы с исследователями), в высказываниях в социальных сетях и мессенджерах в публичном дискурсе, что в итоге выражается в реконструкции своей идентичности через анализ собственных профессиональных практик;

- публичный профессиональный журналистский дискурс, закрепленный через институциональные логики в беседах о профессии, медиарынке и нормах журналистики;

- публичный государственный и общественный дискурс о журналистике в России;

- фрагментацию профессионального сообщества журналистов в современном дискурсе через категории, определяющие понимание профессионализма, профессиональных ролей, ценностей и стандартов журналистики.

Итогом работы также стало картирование профессионального дискурса по пяти основаниям и схема гибридности современной журналистской культуры в России. Вместо выводов из полученных схем автор монографии предлагает способы гармонизации профессионального дискурса и сглаживания ключевых противоречий.

Идеи, которые предлагаются в монографии в качестве основополагающих:

1. Профессиональная журналистская культура определяется через комплекс следующих критериев: установление границ профессионализма в конкретном сообществе, концептуализацию и принятие профессиональных ролей, выявление конфликтов и противоречий между фиксированными нормами и текущей практикой, характеристики профессиональной практики и продукта журналистского труда во взаимосвязи с ограничительными факторами, концептуализацию дискурса о профессии на разных уровнях.

2. Российское журналистское сообщество не выработало единого понимания профессионализма за последние двадцать лет в силу объективных причин: трансформации журналистского образования, неоднородности опыта разных поколений журналистов (в зависимости от года вхождения в профессию), смены профессиональных авторитетов и образцов для подражания, изменений в дискурсе власти в целом и конкретных учредителей медиа о журналистике, сложившихся прецедентов и кейсов в профессии, связанных с журналистским долгом.

3. Понимание профессиональных ролей российскими журналистами гибридно и зависит от метапозиции. Профессиональные роли определяются по отношению к творчеству и индивидуальным творческим потребностям, по отноше-

нию к мейнстримной повестке и общим информационным запросам аудитории, по отношению к конкретной аудитории издания и ее портрету, по отношению к учредителю (а также к власти и государству), по отношению к национальной информационной политике и правовому полю, а также по отношению к глобальной журналистской практике. Профессиональные роли как переменная медиасистемы не отражает всей полноты дискурса о профессионализме в целом.

4. Инструментами журналистской культуры служат способы разрешения противоречий между зафиксированными нормативами (то, что значимо в рамках государства или на уровне документов), разделяемыми ценностями (то, что значимо для общей культуры и социума), доминирующими идеологиями (то, что важно для определенной группы, преследующей профессиональную цель) и изменчивостью профессиональных практик, которую мы называем дискурсивностью института журналистики.

5. Основные противоречия, которые характеризуют современную российскую журналистскую культуру, сложившуюся в последние двадцать лет, связаны с:

- разделением постсоветских и англосаксонских ценностей в профессии;
- различиями в журналистской практике на глобальном и национальном, федеральном и региональном, локальном и гиперлокальном уровнях медиасистемы, а также на институциональном и индивидуальном уровнях;

- определением границ профессионального и непрофессионального в медиа в целом, ядра профессиональных стандартов и периферии (пограничные практики и навыки), определением места журналистики в медиасистеме и медиакommunikациях;
- противопоставлением миссии общественного служения коммерческим интересам медиа, верности идеалам профессии и качества продукта;
- разрывом между деонтологическими основаниями (ценности и этика профессии) и реальными практиками в журналистике;
- разрывом между декларированием необходимости профессионального образования и его отсутствием, а также между компетенциями и составляющими таланта.

6. Профессиональные практики и результат журналистского труда в России не способны отразить все аспекты журналистской культуры в силу основного ограничивающего фактора в виде самоцензуры. Дополнительным фактором, который создает неполную картину журналистской культуры, является ограничение метода опроса, когда респонденты неосознанно искажают собственные представления и воспоминания.

7. Для понимания журналистской культуры в целом важна концептуализация дискурса, который является совокупностью речи журналистов о себе, речи общества о журналистах, речи журналистов о других журналистах, дискурса вла-

сти, продуктов труда и контекста – политического, экономического, общекультурного, исторического контекста развития журналистики в конкретной стране. Концептуализация дискурса о национальной журналистике – это выявление точек пересечения перечисленных элементов в национальном контексте. Журналистская культура определяется через изменения дискурса в конкретный момент времени – так журналист определяет свое место в системе с помощью языка и формирует индивидуальный профессиональный нарратив. Профессиональное самосознание на уровне индивида, а не группы формируется под влиянием дискурсивноеTM института и профессиональных логик.

8. Для понимания журналистской культуры важно определение соотношения глобального и национального контекстов. Для становления российской журналистики последних двадцати лет в этом смысле важной являлась адаптация и трансформация советских, постсоветских и западных ценностей для формирования общего понимания профессионализма. В глобальном контексте ЖК российского журналиста определяется через тип «фасилитатор» по Ханицшу, однако в национальном контексте это гибрид типов «диссеминатор» и «фасилитатор» в практике и «наблюдатель» в концептуализации.

9. Современная российская журналистская культура фрагментарна: профессиональное сообщество не является монолитным с точки зрения социологических, психологиче-

ских и общекультурных оснований. С точки зрения дискурса о профессии журналистская культура представляет собой сложную систему координат, в которой отсутствуют важные связи между разными элементами дискурса. Фрагментарность культуры возникает как следствие дисбаланса в дискурсе, который может быть гармонизован.

10. Гармонизация дискурса о журналистской культуре возможна через индивидуальное самосознание журналистов (культура и критичность мышления), наличие площадок для разрешения противоречий, наличие «третейских судей» или иных авторитетов для признания результатов разрешения противоречий легитимными. Гармонизация дискурса является драйвером развития профессии и журналистской культуры в целом и обусловлена наличием общественного и властного запроса на независимую и сильную журналистику.

Содержание монографии основано на последовательном решении теоретических, методологических и практических задач.

В первой главе проведено сравнение отечественных и зарубежных подходов к исследованию журналистской культуры, описаны основные результаты, полученные в отношении российской журналистской культуры в предшествовавших исследовательских проектах, рассмотрены особенности сравнительных кросскультурных исследований и кейс-стади журналистской культуры в национальных контекстах.

Во второй главе обосновывается теоретический подход и

эмпирический метод для изучения журналистской культуры на основе дискурсивного институционализма. Рассмотрены возможности и эффективность неоинституционального подхода в целом и частнонаучных теорий в исследовании журналистской культуры, в результате чего сделан выбор в пользу актор-сетевой теории. Отдельное внимание уделяется критическому анализу современных исследований и ограничениям в исследованиях журналистской культуры: разрыву между воспринимаемыми профессиональными ролями и журналистской практикой, важности контекста как фона для поиска культурных противоречий, соотношению количественных и качественных методов в исследовании дискурсивное™ журналистской культуры. На основе полученных выводов формулируется авторская методология, основанная на понимании дискурсивной, гибридной и фрагментарной природы российской журналистской культуры.

В третьей главе критически описываются результаты исследования, которые помещаются в контекст существующих сравнительных исследований журналистских культур в разных странах мира. Описаны концептуальные уровни профессионального дискурса, отражающего фрагментированность и гибридность журналистской культуры в России.

Первый этап исследования выполнен на средства Субсидии Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга на предоставление в 2016 году субси-

дий молодым ученым, молодым кандидатам наук вузов, отраслевых и академических институтов, расположенных на территории Санкт-Петербурга № 71–16 по теме «Профессиональные стандарты и ценности современной российской журналистики».

Глава 1

Профессиональная культура журналиста как объект исследований в России и за рубежом

Изучение профессии журналиста неизбежно начинается с вопроса, является ли журналистская деятельность профессией или только родом занятий. Наличие системы образования и отдельной области журналистских исследований в социальных и гуманитарных науках склоняют исследователей (прежде всего медиаисследователей) считать журналистику профессией, чьи параметры могут быть измерены классическими социологическими методами. Именно для этого перед тем, как анализировать журналистскую культуру, мы рассмотрели статус журналистики как профессии и особенно понимания профессионализма в ней. В результате анализа мы неизбежно пришли к тому, что современное состояние профессии характеризуется динамичностью и гибридностью, а это означает невозможность зафиксировать статичные параметры профессии, которые можно было бы изучать вне контекста или хронологических рамок. Профессия журналиста высоко контекстуальна и зависима от политических

и экономических факторов, а потому не может изучаться в отрыве от общественных процессов в целом. Первая глава работы построена на тезисе о том, что актуальность рассмотрения журналистской культуры напрямую связана со смещением границ профессии и интенсивной дискуссией в профессиональном сообществе и в обществе в целом о назначении журналистики в пространстве медиакommunikаций, цифровых платформ и меняющегося медиапотребления.

Изучение журналистской культуры выступает наследником разных традиций исследования профессии журналиста в рамках социологии, психологии и в гуманитарных науках в принципе. Исторически исследования подчинены, с одной стороны, логике социальных наук, поскольку журналистика является общественным служением и встроена в общественные отношения, а с другой стороны – логике гуманитарных наук в силу творческой составляющей профессии, высоких гуманистических идеалов представителей профессионального сообщества, созидательной направленности журналистского мастерства. Чтобы собрать воедино достижения российских и зарубежных исследователей, мы обратились к истории изучения профессии в XX веке для дальнейшего более детального рассмотрения особенностей методологии в XXI веке. За последние почти 100 лет сформировались устойчивые концепции в отношении профессии журналиста, но исследования журналистской культуры в их современном виде являются относительно новым направлением,

характерным для исследований журналистики в последние 15 лет. Это один из многих случаев, когда отдельное исследовательское направление выделяется намного позже формирования самого феномена. Термин «журналистская культура» достаточно нов для современных медиаисследований, особенно на русском языке, поэтому мы подробно рассмотрели имеющиеся подходы в отечественных и зарубежных исследованиях.

Основной массив актуальных исследований журналистских культур (употребляется во множественном числе, поскольку подразумевается их разнообразие в мире и внутри каждой страны соответственно) относится к кросскультурным сравнительным проектам, результаты которых опубликованы преимущественно на английском языке. Для разработки авторской методологии была предпринята попытка осмысления всех проектов последних 20 лет с целью выделить эффективные методологические рамки. Поскольку в отечественных исследованиях нет аналогов международным проектам, но есть отдельные коллективы авторов, которые принимают в них участие, основной корпус литературы по журналистским культурам состоит из англоязычных публикаций, где Россия выступает в качестве одного из кейсов стран с переходной демократией. Этот естественный перекос в сторону европейских и американских исследователей уравновешен поиском общих характеристик между отечественными и зарубежными исследованиями.

§ 1. Профессия журналиста как объект исследования: определение границ

Интерес к журналистскому сообществу неслучайно возрос в последние 20 лет. В условиях, когда традиционные СМИ находятся под давлением цифровых платформ и свободной дистрибуции контента, монополия на производство и доставку новостей исчезла, а компетенции журналистов существенно расширились, необходимость определения новых границ профессии, ее базовых составляющих и ценностных ориентиров не вызывает сомнений.

Развитие российской журналистики последних двадцати лет строилось на сложных противоречиях, связанных с политическими, экономическими и технологическими изменениями. Менялись отношения собственников медиа и коллективов изданий, начиная с так называемого «дела НТВ» в 1999–2003 годах и заканчивая к 2020 году кейсом противостояния коллектива газеты «Ведомости» и топ-менеджмента издания. Менялись отношения власти и журналистского сообщества в целом: появился феномен президентского пула, региональная журналистика стала практически полностью зависеть от местной власти, журналисты сталкивались с судебными разбирательствами и даже обвинениями

в госизмене. Индустрия адаптировалась к технологическим мини-революциям: появлению дешевого широкополосного и мобильного интернета и социальных сетей, развитию скорости передачи данных и проникновению интернета в российские регионы, что породило серьезный цифровой разрыв между столичными онлайн-медиа и районными СМИ.

Формальным поводом для написания данной работы стала заметная интенсивность дискуссий журналистов о самих себе и перспективах профессии, которые автор наблюдал в качестве редактора в старейшем профессиональном издании «Журналист» (с 2016 года), на крупнейших российских медиафорумах, на площадках социальных сетей и в личных беседах.

Параллельно дискуссиям в журналистском цеху разворачивались академические дебаты. Исследования профессии журналиста в динамике привели к появлению отдельного направления медиаисследований, прежде всего за рубежом, посвященных феномену журналистской культуры. До сих пор в профессиональном самосознании представителей профессии эта категория ассоциируется в первую очередь с этическими аспектами, а в последнее время еще и с распространением недостоверной информации, известной как fake news. Однако феномен журналистской культуры представляет собой комплексный исследовательский объект, где деонтология выступает лишь его частью. Журналистская культура в целом описывает взаимоотношения журналиста с вла-

стью и обществом, с продуктом своего труда и его эффектами, с другими журналистами и представителями смежных медиакommunikационных специальностей.

В данной главе рассмотрены основные теоретические предпосылки, которые позволили автору выстроить методологический комплекс инструментов, способных наиболее адекватно отразить журналистскую культуру в современной России.

§ 1.1. Профессиональная культура журналиста в зарубежной теории

Исследования журналистских культур в США и Европе были автономными до определенного момента, пока на авансцену не вышли сравнительные исследования. Именно в них была концептуализирована теоретическая база изучения журналистских культур (journalism cultures и journalistic cultures).

Это было далеко не первое сравнительное исследование «журналистских миров», но именно работа Т. Ханицша «Деконструкция журналистской культуры» (Deconstructing journalism culture) в 2007 году дала старт популяризации подобных исследований, так что на 2018 год международная исследовательская группа имела 75 публикаций в высокорейтинговых журналах и специализированные выпуски к ним.

Основная теоретическая предпосылка исследований базировалась на дискурсивное™ журналистики, которая является: 1) социальным институтом и 2) дискурсивно (воспроизводится, и принципах дискурсивного институционализма, который будет подробнее рассмотрен во второй главе. Таким образом, журналистика состоит из правил, конвенций и практик, который как ограничивают, так и конструируют ее институт в формальном и неформальном виде. При этом нормы, ценности и практики журналистики встроены более глобально в дискурс, в основе которого находится личность (идентичность) журналиста и его место в обществе. Журналистика и ее культуры, по Ханицшу, не находятся в статике идеалов и норм, а динамично развиваются в ежедневных профессиональных практиках.

Журналистская культура отражается в личности журналиста на когнитивном уровне (восприятие и интерпретация новостей и новостной работы), на оценочном уровне (восприятие профессиональных ролей и идеологий), на перформативном уровне (методы репортерской работы и новостные форматы). Ханицш отмечает, что понятия идеологий и культур необходимо развести. Он также вводит таксономию культуры журналистики, состоящую из территориальных, эссенциалистских, ориентированных на ценности, ориентированных на среду, организационных и профессиональных журналистских культур.

Журналистская культура, по мнению Ханицша и его со-

авторов, существует в виде набора идей (ценностей, отношений и верований), практик (создания новостей) и артефактов (новостного контента). Для кросскультурных исследований были выбраны категории/составляющие (внутренние) журналистских ролей, журналистской этики, журналистского доверия, а также (внешнее) испытываемое влияние и редакционная автономия.

Исследовательские уровни – общественный (социетальный), организационный и индивидуальный – отражают «матрешку», в которой индивидуальный журналист работает в редакции, функционирующей в конкретной стране. Журналисты, которые имеют общие черты на индивидуальном уровне, объединяются в журналистские профессиональные группы (страты), журналисты в рамках одного ньюсрума разделяют общую организационную культуру, а на уровне стран – отражают специфику национальной журналистской культуры.

Сам Т. Ханицш выделил следующие ограничения исследования: маленькая выборка; журналистские практики на самом деле гораздо более разнообразны, чем респонденты декларируют в ответах на анкету; специфика культурного контекста каждой страны приводит к излишней абстракции в выводах исследования. К тому же за последние 15 лет политических структурных изменений описанные культуры должны были поменяться.

В 2016 году Ханицш и соавторы пишут о том, что, несмот-

ря на все достижения сравнительной методологии за последние 20 лет, знания о силах, лежащих в основе различий в профессиональных ориентациях, все еще несколько ограничены¹⁹. Попытка преодолеть этот разрыв состоялась, но как результат возник новый вызов – нужно было понять, как культурные ценности взаимодействуют с профессиональной культурой журналистов.

М. Дёзе и Т. Битшге в целом критикуют институциональный подход, основанный на исследовании только классических редакций и аффилированных с ними журналистов. В статье о путях развития журналистики исследователи бросают вызов традиционному подходу изучения новостных организаций, обладающих четкой структурой, и журналистов, которых можно определенно аффинировать с конкретными медиа, и, по их словам, предпринимают диалектическую попытку выйти за пределы журналистики в ее традиционной концептуализации для того, чтобы определить и понять бесчисленное множество практик, которые составляют современную журналистику²⁰.

Б. Добек-Островска в предисловии к проекту «Меняющаяся журналистика» пишет о том, что большинство исследований до сих пор были посвящены западным странам, при-

¹⁹ Hanitzsch T., Hanusch F., Lauerer C. Setting the agenda, influencing public opinion, and advocating for social change. P. 2.

²⁰ Deuze M., Witschge T. Beyond journalism: Theorizing the transformation of journalism // Journalism. 2018. Vol. 19, Iss. 2. P. 165–181.

чем в них предполагалась глобальность выводов и полученных результатов, которые можно применить и к другим медиасистемам²¹. Вместе с тем исследования редко прослеживали изменения в журналистских культурах, оставаясь описательными и статичными. В последнее же время стали появляться работы, которые отслеживают динамику, возникли понятия гибридной профессиональной культуры и пост-профессиональной журналистики. Что касается внутренних исследований в рамках одной страны, то часто их результаты оказываются неизвестными англоязычному миру из-за языковых ограничений. Только немногие страны в лице собственных исследователей участвуют в глобальных сравнительных исследованиях (среди них Россия все-таки присутствует).

Изучение непосредственно профессиональных ролей, пишет К. Мейадо, страдает от нехватки теоретической базы для данной категории, для исследований профессиональных ролей на первое место выходит национальный контекст, который говорит о гибридизации культуры больше, чем нормативные ценности профессии. Это отражается и в сложности определения самого понятия, поскольку авторам сложно найти соответствующий теоретический фундамент для дефиниции²². Также невозможно определить конкретные из-

²¹ Journalism in Change. Journalistic culture in Poland, Russia and Sweden / Eds. G. Nygren, B. Dobek-Ostrowska. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2016.

²² Mellado C. et al. The Hybridization of Journalistic Cultures: A Comparative Study

мерения и составляющие этого концепта (профессиональной роли). На нормативном уровне происходит смешение синонимов – медиароли, институциональные роли, индивидуальные профессиональные роли и другие, – что говорит о неустойчивости предмета. Профессиональные роли в абстрактном представлении также выглядят более идеальными, чем в журналистской практике, где они смешиваются и не существуют в чистом виде. И все же самое сильное ограничение в изучении профессиональных ролей зарубежный ученый видит в расхождении понимания ролей на концептуальном уровне и их реальным исполнением в практической журналистике.

Идея о том, что на стыке концептуализации и реализации профессиональных ролей происходит множество противоречий, стала отправной точкой для разработки авторской методологии. Но прежде необходимо найти общие подходы в поиске ответа на описанные выше противоречия.

§ 1.2. Профессиональная культура журналиста в российских подходах

Изучение общих идей и установок, связывающих журналистов по всему миру как профессиональную группу, остается актуальным уже более полувека. Примерно с 1960-х го-

дов исследования за рубежом и в России (Советском Союзе) развивались параллельно до первой совместной сравнительной работы в 1990-х. В 2000-х российская наука стала частью глобальных международных проектов, посвященных профессиональной культуре журналиста (или журналистским культурам, в западной терминологии), перенимая теоретический базис и методологические подходы. Однако общий фокус исследований был сконцентрирован на получении эмпирического результата в рамках сравнения медиасистем, а не на поиске точек соприкосновения исследовательских традиций в России и за рубежом. Сложилась ситуация, в которой достижения обеих научных школ соревнуются в чистоте подхода, одновременно с этим в других странах формируются другие национальные школы изучения журналистских культур, чьи особенности не доходят до мировой аудитории из-за отсутствия переводов на английский язык. Таким образом, сформировался серьезный запрос на поиск соответствий в мировой и отечественной научной теории в исследовании профессиональной культуры журналиста. Наша работа является попыткой разрешить противоречия и предложить исследовательский фокус, вбирающий в себя лучшие элементы национального и глобального подходов.

Обзор текущих эмпирических работ показал, что, несмотря на критику последователей глобальных сравнительных исследований, детальное изучение отдельных национальных

медиасистем, а также парные сравнения медиасистем продолжаются и развиваются зарубежными учеными. Основными вариантами детализации внутринациональных исследований стали:

- изучение влияния технологий и цифровизации на журналистскую культуру («традиционные» и «нетрадиционные» редакционные практики);
- соотнесение журналистской культуры с уровнем демократического развития (незападные демократии либо недемократические страны, а также регионы, объединяющие несколько похожих стран или медиасистем);
- этнография конкретных редакций, изучение журналистской культуры на организационном уровне;
- подробное изучение профессиональных ролей/идеологий (в различной классификации) и их динамики;
- процесс профессионализации/депрофессионализации в конкретной журналистской культуре.

В отечественных исследованиях спектр вопросов в рассмотрении профессии журналиста в целом совпадает с зарубежным. Однако при попытке сближения подходов исследователи неизбежно сталкиваются с проблемой национального контекста, который подробнее будет рассмотрен во второй главе. Так, «слепой» перенос зарубежной методологии, связанной, прежде всего, с измерением отношения журналистов к нормативной шкале профессиональных ролей, на практике приводит к диссонансу у опрашиваемых российских журна-

листов. Если понятие роли «сторожевого пса» (то есть журналиста, который пристально следит за действиями власти в демократическом обществе, *watchdog*) органично вписывается в профессиональное мировоззрение журналистов большинства зарубежных стран, то в России эта роль воспринимается либо как новоприобретенная ценность, либо как чуждый идеал. Возможно, профессиональные роли, тем более – исключительно в общественно-политической журналистике, не являются универсальным основанием ни для сравнительного анализа, ни для исследования внутри одной страны.

Рассмотрим основные и актуальные достижения российских исследователей, которые так или иначе касаются изучения профессии журналиста или профессиональной культуры.

Декан факультета журналистики МГУ Е. Вартанова последовательно изучает российскую медиасистему и ее рыночные трансформации начиная с 1990-х годов. В качестве компонента анализа медиасистем она также прибегает к рассмотрению профессионализации журналистов России. Цитируя С. Риза, Вартанова делает важное замечание о том, что внутренние региональные различия в странах могут косвенно вмешиваться в межнациональные сравнения²³. В этом смысле, считает она, может быть интересно сосредоточить-

²³ *Vartanova E. L., Balcytiene A., Raeymaeckers K. Changing Practices of Journalism // Media in Europe today / Ed. J. Trappel. Bristol; Chicago: Intellect, 2011. P. 3.*

ся на различиях в иерархической позиции и карьерных путях журналистов, специфических элементах канала информации, возрасте, образовании и т. д.

В 2018 году Е. Вартанова и М. Лукина описали российский кейс по теме подотчетности медиа (accountability) для коллективной монографии с общим сравнительным контекстом. В предисловии к результатам авторы подчеркивают, что российский кейс не относится напрямую к трем моделям медиасистем Халлина и Манчини из-за сильной связи триады «журналисты – общество – государство»²⁴. Явным изменением в журналистской культуре авторы назвали переход от пропагандистской модели к «более профессиональным ценностям», имея в виду западноориентированные ценности объективности и отстраненности. Дополнительным инструментом подотчетности также называется журналистское образование.

В 2020 году С. Бодрунова и А. Литвиненко, исследуя журналистскую автономию в России, назвали ее относительно слабой, а профессиональные объединения вроде Союза журналистов едва функционирующими. Поляризацию профессионального сообщества они определили через категорию «нерукопожатное™»²⁵. Исследователи подчеркивают,

²⁴ Vartanova E. L., Lukina M. M. Russia: Media Accountability to the public or to the state? // The European Book of Media Accountability. New York: Routledge, 2018. P. 216–224.

²⁵ Litvinenko A., Bodrunova S. Russia: Media Accountability in a Polarized Society // GLOHOMA (рукопись принята к публикации).

что фрагментация российского медиарынка, на котором существуют постсоветские и англосаксонские профессиональные стандарты, выражается в практиках подотчетности. В структуре институтов, которым подотчетны журналисты, Литвиненко и Бодрунова выделяют: союзы журналистов, совет по жалобам на прессу и этический кодекс, корпоративные кодексы (чаще «неписанные», выраженные в практиках самоцензуры), социальные сети как средство подотчетности перед коллегами, профессиональные премии и конкурсы, медиакритика и преследование фейков, медиаобразование и медиаграмотность, краудфандинг и медиаактивизм. По мнению автора, отождествление корпоративных кодексов, а точнее редакционных регламентов и политик, с практиками самоцензуры неверно, поскольку работник медиа добровольно принимает формат работы и соглашается с редакционной идеологией, а практики самоцензуры обычно связаны с вне редакционными факторами.

В 2005 году И. и М. Дзялошинские опубликовали результаты социологического исследования, посвященного самооценке российских журналистов²⁶. Журналисты делились своими ощущениями от влиятельности профессиональных журналистских объединений, а также предположили силу их влияния на политические и общественные институты. Вме-

²⁶ Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Журналистское сообщество в оценках журналистов // Вестник Московского Университета. Сер. 10: Журналистика. 2005. № 5. С. 78–94.

сте с тем опрос включил и элементы изучения автономности и журналистских ролей. Результаты этого исследования не получили какой-либо теоретической интерпретации, а заканчиваются рекомендациями журналистам.

Предыдущие публикации И. Дзялошинского, особенно хрестоматийный труд «Российский журналист в посттоталитарную эпоху» (1996)²⁷, объясняют общий подход отечественных исследователей к понятию «профессиональная культура журналиста». Он включает в себя понимание журналистского сообщества как профессиональной группы, обладающей специфической групповой психологией, которая формирует особый тип личности. Неслучайно в таких работах цитируются труды преимущественно психологов и социологов, а в названии или тексте фигурирует слово «портрет журналиста» или «профессиограмма». Очевидно, что описание журналистского сообщества как социально-демографической группы и профессиональной группы со специфической психологией является наследием советских исследований, направленных на изучение состава профессиональной группы и ее личностно-мотивационных характеристик.

Часто результаты исследований сопровождаются не только интерпретацией данных, но и оценкой. Например, в исследовании Л. Свитич и А. Ширяевой, повторяющем по методологии социологические исследования авторов в 1990-

²⁷ Дзялошинский И. М. Российский журналист в посттоталитарную эпоху. М.: Восток, 1996.

х годов, при интерпретации данных о журналистской независимости и автономности авторы ставят как бы риторический вопрос: «Хорошо это или плохо? В журналистике 90-х периоды пика "журналистской вольницы" имели свои очень серьезные издержки...»²⁸. Социологические исследования также соотносят полученные результаты с идеальной моделью профессионального сообщества. Примечательно и то, что основной корпус работ, посвященных профессиональным ценностям журналистов, часто построен на анализе выборок студентов факультетов журналистики и ориентирован на идеальные установки и компетенции будущих специалистов.

Интересно психологический подход выразился в тезисе исследовательницы М. Симкачевой: «Профессионализм во многом зависит от профессионального сознания самих журналистов, от того, как они сами оценивают журналистику»²⁹. В рамках такого подхода невозможно выделить формальные критерии для определения профессионализма и понимания журналистской культуры. Более того, журналистика при таком подходе представляется не профессией, а видом искусства, недоступным для отдельных типов личности.

Таким образом, за советский и новейший российский период истории была накоплена достаточная эмпирическая

²⁸ Свитич Л. Г., Ширяева А. А. Портрет российского журналиста в динамике. С. 100.

²⁹ Симкачева М. Б. Региональная журналистика.

база при отсутствии жестких теоретических обоснований, за исключением социологической методологии, а фокус интерпретации результатов заключается в психологических и ценностных особенностях восприятия журналистами (в том числе студентами) своей деятельности, а также ее творческий компонент и социальная миссия.

В первом параграфе мы увидели основные противоречия, которые заключены в текущих исследованиях профессии журналиста:

- неуловимость самого объекта и его базовых составляющих;
- неопределенность терминологии, описывающей журналистскую культуру;
- синтетический характер методологии исследований;
- парадокс национальных и глобальных исследований, в которых результат зависит от общего подхода;
- конфликт между концептуальным и перформативным уровнями исследования.

Преодоление этих противоречий будет предложено во второй главе. Но прежде обратимся к результатам исследований, которые дают отдельные фрагменты картины развития журналистской культуры в России.

§ 2. Зарубежные кейс-исследования российской журналистской культуры

Интерес к российским журналистам и российской медиасистеме не ослабевает среди американских ученых с конца прошлого века. В последние годы основными авторами работ были Лоури, Ерзикова, Цецура, Ключева, Оутс и другие.

Исследователи Лоури и Ерзикова пишут о ключевой для данной работы характеристике журналистского сообщества – его фрагментации и разобщенности³⁰. Исследуя региональных журналистов, авторы обнаружили, что они распадаются на отдельные профессиональные сообщества (occupational communities). Более сильные сообщества лучше способны преодолевать нормативные условия других доминирующих учреждений, таких как правительственные подразделения и частные компании. Более слабые, более фрагментированные сообщества уязвимее для повесток дня этих мощных институтов³¹. Лонгитюдное исследование включило четыре редакции в центральной России, наблюдение в которых продолжа-

³⁰ Lowrey W., Erzikova E. One Profession, Multiple Identities: Russian Regional Reporters' Perceptions of the Professional Community // Mass Communication and Society. 2013. Vol. 16, Iss. 5. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/15205436.2013.770031> (дата обращения: 17.08.2020).

³¹ Tolbert P. S., Hall H. R. Organizations: Structures, processes and outcomes. Upper Saddle River: Prentice Hall, 2009.

лось с 2007-го по 2010 год и сопровождалось интервью и фокус-группами. Среди идеологических факторов, влияющих на воззрения журналистов и их профессиональную сплоченность, оказались ностальгия по перестройке, антизападные настроения, общая социальная апатия и непоследовательность. Единственное, что объединило журналистов четырех изданий, – ощущение того, что профессиональное сообщество фрагментировано и поляризовано.

В рамках этой же выборки авторы рассмотрели процесс цифровизации в региональных российских медиа, применив теорию социального поля Бурдьё³². Выбранные издания были условно поделены на «правительственное», «частное» (два из них) и «традиционное». С позиций теории социального поля журналисты в региональных редакциях обладают низким культурным, социальным и символическим капиталом в условиях цифровизации. Сравнивая российских журналистов с американскими и западноевропейскими, авторы пишут о том, что преодолеть цифровой вызов могла бы сплоченность журналистов, но именно ее и не хватает, что доказывают регулярные исследования Лоури и Ерзиковой.

В 2010–2011 годах авторы сравнили две американские региональные редакции с двумя российскими (Урал и Центральная Россия, по пять качественных изданий в каждом) и их цифровые практики через призму институциональной

³² *Erzikova E., Lowrey W. Russian Regional Media // Digital Journalism. 2017. Vol. 5, Iss. 7. P. 919–937. DOI: 10.1080/21670811.2016.1234349.*

логики³³. Оказалось, что универсальной институциональной логики в цифровой среде не существует, она формируется жестко на основе традиционной локальной логики и политико-экономических реалий. Журналисты в «большом городе» более тесно встроены в цифровую логику, чем коллеги из условного «маленького города». Это наблюдение тем более интересно, что именно в 2010–2011 годах в России появляются первые локальные онлайн-медиа с изначальной цифровой стратегией³⁴.

Отдельные аспекты журналистской культуры изучены исследователями из США К. Цецурой и А. Ключевой; это, например, прозрачность в медиа («заказуха» и «джинса») через призму взаимоотношений PR-специалистов и журналистов³⁵. Первая попытка была предпринята Цецурой в 2005 году, в дальнейшем кейс России стал и остается одним из са-

³³ Lowrey W., Erzikova E. Shifting institutional orders and responses to technological disruption among local journalists in Russia and the U.S. // International Communication Gazette. 2014. Vol. 76, Iss. 7. P. 552–574. DOI: 10.1177/1748048514538930.

³⁴ Нигматуллина К. Городская интернет-газета на смену городской ежедневной газете // Журналистика у суладдзі з жыццём: да 90-годдзя заслужанага дзеяча культуры Рэспублікі Беларусь, доктара фіялагічных навук, прафесара Барыса Васільевіча Стральцова. Мінск, 2016. С. 220–224.; Нигматуллина К. Р. Гибридная повестка новых городских медиа: между локальным и федеральным (на примере медиaproстранства Санкт-Петербурга) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 4 (30). С. 224–236.

³⁵ Klyueva A., Tsetsura K. News from the Urals with love and payment: The first look at nontransparent media practices in the Urals Federal District of Russia // Russian Journal of Communication. 2011. Vol. 4, Iss. 1/2. P. 72–93.

мых изучаемых кейсов Восточной Европы.

Российская медиасистема также находится в фокусе американской исследовательницы С. Оутс³⁶, начиная с президентских выборов в 1996 году в отражении государственных телеканалов и заканчивая цифровизацией медиа текущего времени.

Неизменным остается интерес финских коллег к медиасистеме России. В 2016 году в Университете Хельсинки был запущен проект "Russian Media Lab" по изучению государственного регулирования СМИ в России³⁷. Один из соавторов С. Пасти и К. Норденстренга, также сотрудник Университета Хельсинки, – Ю. Пиетиляйнен обращался к российскому кейсу, начиная с диссертации, посвященной региональной прессе Карелии³⁸. Вместе с тем основные интересы этих исследований касались политических условий существования медиасистемы или журналистики, не фокусируясь отдельно на журналистских культурах.

³⁶ Oates S. The neo-Soviet model of the media // *Europe-Asia Studies*. 2007. Vol. 59, Iss. 8. P. 1279–1297; Oates S. Russian Media in the Digital Age: Propaganda Rewired // *Russian Politics*. 2016. Vol. 1, Iss. 4. P. 398–417.

³⁷ Публикации исследовательской группы: URL: <https://blogs.helsinki.fi/russianmedialab/publications/> (дата обращения: 17.08.2020).

³⁸ Pietilainen J. The regional newspaper in post-Soviet Russia: society, press and journalism in the Republic of Karelia 1985–2001. Tampere: Tampere University Press, 2002.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.